
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ КАТЕГОРИИ В БИБЛЕЙСКОМ ДИСКУРСЕ А. БЕЛОГО

О.А. Пороль

Кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, Оренбург, Россия, 460018

В статье рассматривается специфика пространства и времени в библейском дискурсе А. Белого. Анализ поэтических текстов проведен в семантическом аспекте с применением метода текстовых параллелей. Новым в работе является исследование в творчестве поэта функционирования библейского текста при анализе пространственно-временных категорий. Определены доминирующие виды пространств. Предложенный взгляд на *минус-пространство* как на единый текст раскрывает «поэтическую» концепцию жизни лирического героя. Выявленная автором контекстуальная антиномия *пустоты-света* представлена как основная. Наблюдение над генезисом *пустоты и света* в поэзии А. Белого позволило показать своеобразие смысловых оппозиций, их широкую вариативность.

Ключевые слова: пространство, время, семантика, библейский текст, пустота, свет.

В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что мировоззрение А. Белого состояло из множества противоречий [1—4]. Последователь Владимира Соловьёва и активный пропагандист антропософских доктрин Рудольфа Штейнера, основоположник стиховедения и церковник (по выражению Н. Скатова) — все эти непримиримые темы соединялись в единую сложную мировоззренческую систему поэта. Л.К. Долгополов в работе, посвященной А. Белому, писал: «Творчество Белого — в большей степени сумма, нежели единство» [1. С. 33].

А. Ханзен-Лёве, исследуя мотивную структуру произведений русского символизма, отметил высокую начитанность А. Белого в области антропологии, мифологии, гностики, оккультизма при описании поэтом архаических культур Египта, Малой Азии и доклассической Греции [2. С. 21].

Вполне закономерно, что эрудированность А. Белого в философии, новейших открытиях в физике, математике, химии и биологии, в теориях пространства и времени, стремление понять смысл бытия определили частотное функционирование слова *пространство* в его творчестве.

По мнению Л.К. Долгополова, поэт видел время и пространство как важнейшие *содержательные формы* [1. С. 42]. Особенно важно для понимания специфики пространства и времени у А. Белого и другое положение, выдвинутое Л.К. Долгополовым: поэту всегда нужен был взгляд на мир, в котором он жил, и на самого себя с нескольких сторон, с нескольких точек зрения [1. С. 60].

В. Пискунов выделил главный принцип членения пространства и времени в художественной концепции поэта: пространство обыденное, «мирское» и «сакральное» [6. С. 13].

Современник поэта Б.М. Эйхенбаум высказал мысль, ставшую, по мнению Ю. Лотмана, основополагающей для многих дальнейших литературоведческих и философских исследований: «Преградой для взора художника, всматривающегося в сущность мира, стоит область пространственно-временных отношений» [5. С. 566]. Интуитив-

но А. Белый понял это рано. Пространство и время в его художественном мире были не только доминирующими, но и неразрывными понятиями. Во второй драматической симфонии есть прямое указание поэта на понимание им пространства и времени как единой взаимообусловленной формы бытия: «Но конец драмы убежал вдаль, потому что еще верное тысячелетие они не развяжут Гордиева узла между временем и пространством» («Симфония» (2-я драматическая)) [6. С. 338].

В центре внимания предлагаемой статьи — исследование семантики пространства и времени в библейском дискурсе А. Белого. О важной роли библейских и церковных мотивов в творчестве А. Белого было сказано в работах Л.Л. Гервер и Л.К. Долгополова и других ученых. Л.Л. Гервер, анализируя 2-ю и 4-ю симфонии А. Белого, писала: «важнейшую роль играют трансформации церковных напевов и мотивов Библии» [7. С. 197].

Для понимания внутреннего мира А. Белого, его «поэтической» концепции пространства и времени в аспекте библейского дискурса важно сделанное поэтом наблюдение о Достоевском, которое можно отнести и к нему самому, к его духовному поиску: «В душе своей носил Достоевский образ светлой жизни, но пути, ведущие в блаженные места, были неведомы ему» [8. С. 93].

Семантический диапазон слова *пространство* в творчестве А. Белого многообразен. Исследуя его, мы пришли к выводу, что в поэтических текстах А. Белого доминируют следующие виды пространств:

1. *Линейное* пространство (плоскостное), земное.

В пространство бежит-убегает / Далекая лента шоссе («Шоссе», 1904) [6. С. 91]; Дали родные / Телеграфная тянется сеть — / Там — в пространства твои ледяные / С буреломом осенним гудеть («Из окна вагона», 1908) [6. С. 92—93]; Там путь пространства чертит.. Руками колесо / Докучливое вертит; / А в мыслях — то и се («Телеграфист», 1906—1908) [6. С.94]; В пространствах, где вспыхивал пламень / Повис сиротливый дымок («Каторжник», 1906—1908) [6. С. 96—97].

2. *Минус-пространство* (выражение В.Н. Топорова) — доминирующий вид пространства в поэтике А. Белого, символизирующий разрушение, *пустоту*, смерть:

Проносится над тайной жизни / Пространств и роковых времен / В небесно-голубой отчизне / Легкотекущий, дымный сон («Жизнь», 1908) [6. С. 187]; В пространство пади и разбейся / За годом мучительный год! / Века нищеты и безволя / Позволь же, о родина-мать, / В сырое, в пустое раздолье, / В раздолье твое прорыдать... («Отчаянье», 1908) [6. С. 89]; Вчера завернул он в харчевню, / Свой месячный пропил расчет / А нынче в родную деревню, / Пространствами стертый, бредет («Бурьян», 1905—1908) [6. С.100]; Рассыплется дождем симфоний / В пространствах горестных, земных («Обет», 1907) [6. С. 153]; Пространство черное, ударь, — / Мне в грудь ударь мечом разящим («Я это знал», 1908) [6. С. 168]; Над сетью серых елок / Летит в провал пространств / Иных, пустых, ночных... («Прости», 1908) [6. С. 168]; Мы — умерли, / Мы — / Поверья: / Нас кроют *столетий рвы* («Перед старой картиной», 1909) [6. С. 196]; Я переломлен, переполнен / Переполохами пустот, / Как тени пустолетный конус ... Вставайте морочные смены, / Пустовороты бытия, / Как пусто лопнувшие пены, — / Да, вас благословляю я! («Первое свидание», 1921) [6. С. 266—267].

Если рассмотреть приведенные примеры *минус-пространства* как единый текст, то можно выделить следующие смыслы:

- быстрое течение земного времени напоминает сон;
- годы разбиваются, могут быть стерты в бесконечном пространстве;
- человек может быть стерт, поглощен, взят или *сломан* пространством;

— восприятия времени как части пространства: *столетий рвы*.

— согласие-отчаяние с ходом жизни, со всем ее закономерным порядком.

Таким образом, через соотношение *Я* и *пустота* прослеживаются черты героя, потерявшего себя, с характерной для подобной ситуации надломленностью, отсутствием лица. Ощущение затерянности в пространстве, безысходность от обилия пространств и не обретение своего места в них, неустроенность и холод жизни — основные мотивы в поэтических текстах А. Белого. О Боге — только напоминание самому себе: «Пространство, время, Бога / И жизнь, и жизни цель / Железная дорога, / Холодная постель» («Телеграфист», 1906—1908) [б. С. 94].

3. Доминирующему минус-пространству в поэтической концепции А. Белого противостоит *пространство высокое, огневое*, способное спасти от узкого, замкнутого пространства:

А колокольные кресты / Сквозь зеленеющие ели / С непобедимой высоты / На небесах заогневели («Свадьба», 1905—1908) [б. С. 123]; Мне говорят, что я — умру, / Что худ я и смертельно болен, / Но я внимаю серебру / Заклокотавших колоколен («В темнице», 1907) [б. С. 144].

Душевный диссонанс лирического героя обозначен на основе конфликта, столкновения двух миров: сакрального и обыденного, который обретает свой выход в идее *воскресения*:

Там в пурпуре зори, там бури — и в пурпуре бури / Внемите, ловите: воскрес я — глядите: воскрес / Мой гроб уплывает — золотой в золотые лазури... («Утро», 1907) [б. С. 145]; ...шепот камышового отшельника с зеленоватым нимбом доносит парафразу из посланий Апостола Павла в последних строках 1-й «симфонии»: «Мы не умрем, но изменимся вскорее, во мгновенье ока, лишь только взойдет солнце» (1 Кор 15, 51).

Столкновение сакрального и обыденного, их разность, тоска от плоскостного, расчетливого — основной мотив творчества А. Белого. Не случайно в поэме «Первое свидание» появляются библейские образы Марии и Марфы, воплощающие духовное и суетное (земное) начала: «Души — Марию зрящей Марфы — / Из просветленной глубины» («Первое свидание», 1921), [б. С. 261].

Поэтом подчеркивается несовместимость земного времени, олицетворяющего собой смерть, старение, с высокой, вечной красотой:

А ум насмешливый, как леший, / Ведет по плоскости иной: / Мы чешем розовые плечи / Под бирюзовую весной; Перемудрим, перевопросим, / Не переспросим, не пойдем, / Мечту безвременную бросим, / По жизни бременно пройдем («Первое свидание», 1921) [б. С. 267].

Так возникает желание убежать от времени и пространства, спрятаться от мира:

5. Тихо ахнул чтец Канта и присел на корточки. 6. Уже больше он не вставал с пола, но забился под кровать. Ему хотелось убежать от времени и пространства, спрятаться от мира («Симфония» (2-я драматическая), 1901) [б. С. 299].

Исследователями было отмечено, что значительное место в символистской культуре вообще и у А. Белого в частности занимает последняя книга Нового Завета — Откровение св. Иоанна Богослова (или Апокалипсис).

Апокалипсис как важная пространственно-временная веха существования Земли, судьбы человечества, конечно, не мог остаться незамеченным поэтом. Время в твор-

честве поэтов начала века неизбежно должно было приобрести вектор Вечности, потому что за лирикой стояли драматические судьбы с их скорбью и страданием. Апокалипсис в сознании автора — то состояние мира, когда произойдет упразднение пространств и времен:

10. Когда не будет времен, будет то, что заменит времена. 11. Будет и то, что заменит пространства («Симфония» (2-я драматическая), 1901) [б. С. 338].

Во 2-й симфонии лейтмотивом стал образ озаренных колоколен и благообразный образ отца Иоанна:

3. Тихий ветерок качал его атласные кудри, а губы старичка священника расплывались в грустную улыбку. 4. Ничего он не принимал и не отвергал из сказанного, но говорил о любви («Симфония» (2-я драматическая), 1901) [б. С. 319].

Выражение «Ничего он не принимал и не отвергал из сказанного» восходит к известному пророчеству, библейскому тексту книги «Откровения Иоанна Богослова» или Апокалипсиса, где говорится об упразднении каких бы то ни было знаний перед кончиной всего мира.

Образ Христа в поэтическом мире А. Белого связан с темой собственного избранничества. Однако возникает антиномия: лирический герой называет себя «лжехристом», «арлекином». Звучат строчки внутреннего надрыва и боли. Окружающая жизнь изображается автором как балаган. Отождествляя себя с арлекином, герой, все же «помня» и осознавая величие Христа и свое призвание быть созданным «по образу и подобию Божьему», восклицает:

Там... в низинах... ждут с верой денницу. / Жизнь мрачна и печальна, как гроб / Облеките меня в багряницу! / Пусть вонзаются тернии в лоб / Острым тернием лоб увенчайте! / Обманул я вас песнью своей / Распинайте меня, распинайте / Знаю — жаждете крови моей («Возмездие», 1901) [б. С. 83].

Лейтмотивом через все творчество поэта проходят песнопения Богослужений, радостное ощущения бытия при описании церковных служб:

Двадцатилетием таймый, / Двадцатилетием чернен, / Я слышу зов многолюбимый / Сегодня, Троицыным днем, — / И под березкой кружевною, / Простертой доброю рукой, / Я смыт вздыхающей волною / В неутихающий покой («Первое свидание», 1921) [б. С. 270];
Завтра был Троицын день, и его прославляла красивая зорька, прожигая дымное облачко, посылая правым и виновным свое розовое благословение («Симфония» (2-я драматическая), 1901) [б. С. 313].

Можно утверждать, что «Свете тихий...» — одна из любимых гимнографических песней поэта:

В ту пору в Успенском Соборе пели: *Свете тихий*, и блистали митры архиереев («Симфония» (2-я драматическая), 1901) [б. С. 315]; Забил поток лучей расплавленных в окно... / Все просветилось вдруг, все солнцем зажжено: / И «Свете тихий» с клироса воззвали, / и лики золотом пунцовым заблистали («Во храме», 1903) [б. С. 54].

«Свете тихий» — название молитвы, которая поется во время всеобщего бдения. Песнь «Свете тихий...» повествует о пришествии на землю в конце ветхозаветного времени Христа, о начале нового благодатного дня, *свет* которого принес Спаситель, — дня вечности, даруемого миру Богом ради искупительного подвига Его Сына.

В этом песнопении выражается христианское учение о *духовном свете*, просвещающем человека, о Христе — Источнике *благодатного света*. Иными словами, в этом песнопении Сын Божий называется *тихим светом* от Небесного Отца, потому что Он пришел на землю не в полной Божественной славе, а тихим светом этой славы.

Свет и покой — константы русской культуры в ее тысячелетней традиции, восходящие к славяно-русским древним гимнографическим и библейским текстам. Категория света, как видно из приведенных примеров, была особенно дорог А. Белому. Выражение *Свете тихий* семантически родственно слову *покой*, поэтому вполне закономерно рассмотреть категорию *пустоты* в творчестве поэта как контекстуальную антиномию слову *покой*. Семантически *пустота* в поэтическом мире Белого — это прежде всего отсутствие смысла, а не географическое пространство. Вновь встает антиномия покоя (*тихий братец*) и беспокойства-пустоты (*взрывы пустот*):

О тень моя: о тихий братец, / У ног ты — вот, как черный кот: / Обманешь взрывами невнятиц; / Восстанешь взрывами пустот («Первое свидание», 1921) [6. С. 240].

Мотив *пустоты* поэт сознательно (а может быть, и нет) проводит через весь текст поэмы «Первое свидание». Поэт разгадывает генезис и следствие пустоты. Пустота в творчестве Белого — это внутреннее пространство героя, его мироощущение, часто характеризующееся безысходностью и бесцельностью окружающего. Этот постоянно движущийся, меняющийся, несущийся хаотичный мир, («злые мимы» — неологизм Белого) изображен поэтом как снеговой вихрь бытия, в который вверчено многое: дома, улицы, человек и само время.

Разгадка генезиса пустоты разрешается в творчестве Белого неожиданно попушкински. Потеря целостности, радости бытия — признак «страшного мира», иной потусторонней действительности, неизбежно характеризующейся отсутствием покоя и быстрой сменой, «калейдоскопом» (или суетой) окружающего мира:

И я — изъятьем лицевым, / Дробимый, сумеречный, хмурый, / Несусь по кучам снеговым; / Из ног случайного повесы / Тянусь — бесвесый, никакой: / Меня выращивают бесы / Невыразимую тоской... («Первое свидание», 1921) [6. С. 266].

Пространству света в поэме противостоит пространство тьмы. Контекстуальной синонимией пространства света становится слово *молитва*. Свет в творчестве Белого — категория удерживающая прошлое («все, что было») от бездны, уничтожения, распада:

И все, что было, все, что есть — / Снеговерченье ясных далей, / Светомоленье светлых вест / Переплетание спиралей! («Первое свидание», 1921) [6. С. 265].

Обыденная жизнь, движимая «рассудком, свинойрылым комиком» (или в контексте Белого — тьма) вне жизни духа обречена на уничтожение в небытие (но не в покой!):

Переважив дары природы / Тупыми животами, — мы / Перетопатываем годы; / И уютатываем в тьмы («Первое свидание», 1921) [6. С. 267].

Другое развитие антиномии *свет — тьма* (полнота бытия — пустота) происходит при изображении пространства за «оградой» и пространства мира. Пространство внутри монастыря становится *неограниченным* пространством, оно отличается бездонностью и шириью:

И — возникает в неба ширь / Новодевичий монастырь («Первое свидание», 1921) [6. С. 248]; Там бездна — вверх, и бездна — вниз / Из бледных воздушных и риз [6. С. 249].

Небесное (и все, что с ним связано) в творчестве поэта относится к высшей реальности, свободе без конца (*бездна — вверх, и бездна — вниз*). Пространство земное, обыденное — замкнутое пространство. В поэтическом сознании Белого оно отождествляется с тюрьмой:

Из мира, суетной тюрьмы, — / В ограду молча входим мы ... [6. С. 249].

Двойная природа человека, его принадлежность к двум мирам (развитие тютчевской темы в творчестве А. Белого) предстает в образе сердца — устойчивого символа, средоточия человеческой сути. В поэме оно названо, во-первых, «вещим» (т.е. из инобытия), во-вторых, «неумолчным стрижом» (из пространства земного):

Здесь, сердце вешее, — измлей / В печаль белеющих лилей; / ... Ты, сердце, — неумолчный стриж — / Кого зовешь, о чем визжишь? [6. С. 249].

Таким образом, при рассмотрении библейского дискурса в поэтических произведениях А. Белого мы выделили пространственно-временные категории *пустоты* и *света* (как заполненного пространства). Являясь контекстуальными антиномиями, смысловыми оппозициями, они достаточно стабильны на всем протяжении творчества поэта. Так, в стихотворении «Во храме» (1903) и в поэме «Первое свидание» (1921) основная смысловая оппозиция *пустоты-света* неожиданно разрешается возникновением оксюморона «неутихающий покой», образует картину *тихого света*.

Присутствие в произведениях А. Белого знаковых черт церковнославянской книжности, гимнографических текстов, каноничное в духе славяно-русской традиции отношение к важным категориям бытия (смерти, вечности) позволяет признать глубокую структурную основу национальной модели, сложившейся в мировоззрении автора.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Белый А. Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сборник.* — М.: Советский писатель, 1988.
- [2] *Ханзен-Лёве А. Система поэтических мотивов. Ранний символизм.* — СПб.: Академический проект, 1999.
- [3] *Долгополов Л.К. Андрей Белый и его роман «Петербург».* — Л.: Советский писатель, 1998.
- [4] *Новик А.А. Романы А. Белого «Серебряный голубь» и «Петербург»: Нереальное пространство и пространственные символы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.* — Смоленск, 2006.
- [5] *Лотман Ю.М. Поэтический мир Тютчева // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии.* — СПб.: Искусство, 2001.
- [6] *Белый А. Сочинения. В 2 т. Т. I. Поэзия; Проза / Вступ. статья, сост. и подгот. текста В. Пискунова.* — М.: Худож. лит., 1990.
- [7] *Гервер Л.Л. «Симфонии» Белого: признаки жанра // Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов (первые десятилетия XX века).* — М.: Индрик, 2001.
- [8] *Белый А. Арабески.* — М., 1911.

LITERATURA

- [1] *Belyj A. Problemy tvorchestva: Stat'i, vospominaniya, publikatsii. Sbornik.* — М.: Sovetskiy pisatel', 1988.

- [2] *Hanzen-Leve A.* Sistema poeticheskikh motivov. Ranniy simvolizm. — SPb.: Akademicheskij proekt, 1999.
- [3] *Dolgoplov L.K.* Andrey Belyj i ego roman «Peterburg». — L.: Sovetskij pisatel', 1998.
- [4] *Novik A.A.* Romany A. Belogo «Serebryanyj golub'» i «Peterburg»: Nereal'noe prostranstvo i prostranstvennye simvoly: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Smolensk, 2006.
- [5] *Lotman Yu.M.* Poeticheskij mir Tyutcheva // Lotman Yu.M. O poetah i poezii. — SPb.: Iskusstvo, 2001.
- [6] *Belyj A.* Sochineniya. V 2 t. T. I. Poeziya; Proza / Vstup. stat'ya, sost. i podgot. teksta V. Piskunova. — M.: Hudozh. lit., 1990.
- [7] *Gerger L.L.* «Simfonii» Belogo: priznaki zhanra // Muzyka i muzykal'naya mifologiya v tvorchestve russkikh poetov (pervye desyatiletija XX veka). — M.: Indrik, 2001.
- [8] *Belyj A.* Arabeski. — M., 1911.

SPACE-TIME CATEGORIES IN THE BIBLICAL DISCOURSE BY A. BELYI

O.A. Porol

Department of Russian Philology and Methods of Teaching Russian Language.
Orenburg State University
Pobedy ave., 13; Orenburg, Russia, 460018

In article specifics of space and time in a bible discourse of A. Bely are considered. The analysis of poetic texts is carried out in semantic aspect with application of a method of text parallels. In work research in works of the poet of functioning of the bible text in the analysis of existential categories is new. The dominating types of spaces are defined. The offered view of *minus-space* as a uniform text opens the «*poetic*» concept of life of the lyrical hero. The contextual antinomy of *emptiness-light* revealed by the author is presented as the main. Supervision over genesis of *emptiness* and *light* in A. Bely's poetry allowed to show an originality of semantic oppositions, their wide variability.

Key words: space, time, semantics, the biblical text, emptiness, light.